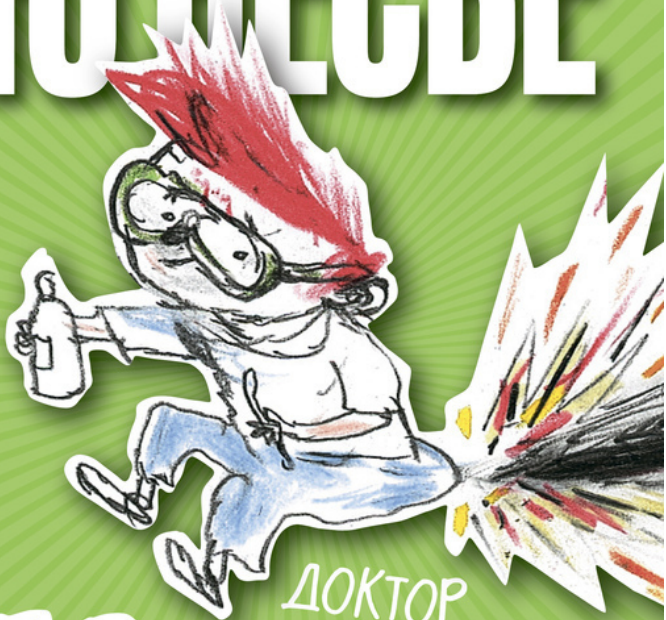

ЮНЕСБЁ

ДОКТОР
ПРОКТОР
И ЕГО
ВОЛШЕБНЫЙ ПОРОШОК

Ю Несбё
Доктор Проктор и его
волшебный порошок
Серия «Доктор Проктор
и всё-всё-всё», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6088216

Доктор Проктор и его волшебный порошок: Роман: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2013

ISBN 978-5-389-04808-9

Аннотация

Знакомьтесь: это Ю Несбё, норвежский автор детективов, которые читают взрослые по всему миру.

А это первая из серии книг для детей, которые написал Ю Несбё, норвежский автор детективов, которые читают взрослые по всему миру.

А это доктор Проктор, безумный (в хорошем смысле) профессор, вокруг изобретений которого развиваются безумные (в хорошем смысле) события в детских книгах, которые написал Ю Несбё, норвежский автор детективов, которые читают взрослые по всему миру.

А это Лисе, девочка с Пушечной улицы в Осло, обладательница куцых косичек и соседка доктора Проктора, вокруг изобретений которого... ну, вы поняли.

А это Булле, новый друг Лисе, а также, наверное, самый мелкий, самый рыжий, самый шустрый и самый неунывающий мальчишка на нашей планете.

А это новое изобретение доктора Проктора, которое Булле вызвался испытать на себе: волшебный порошок.

Впервые на русском языке!

Содержание

Глава 1. Новый сосед	6
Глава 2. Козы, страдающие морской болезнью	19
Глава 3. Первое тестирование порошка	26
Глава 4. Новый ученик в классе фру Стробе	35
Глава 5. У Булле рождается идея	45
Глава 6. Дирижер Мадсен и оркестр школы «Укромный уголок»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ю Несбё

Доктор Проктор и его волшебный порошок

Doctor Proctors prompepulver

Copyright © Jo Nesbø 2007

Illustrations Copyright © Per Dybvig 2007

Published by arrangement with Salomonsson Agency

*This translation has been published with the financial support
of NORLA*

© Б. Жаров, перевод, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии
этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни
было форме и какими бы то ни было средствами, включая
размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для
частного и публичного использования без письменного раз-
решения владельца авторских прав.*

Глава 1. Новый сосед

Был месяц май, и солнце, посветив на Японию, Россию и Швецию, очутилось в небе над Осло. Осло – это очень маленькая столица очень маленькой страны под названием Норвегия. Солнце стало светить на довольно небольшой желтый дворец, где живет король, от которого не так уж много зависит, и на крепость Акерсхус.

Оно озарило старинные пушки, обращенные к Осло-фьорду, через окно залило светом кабинет коменданта крепости и бросило лучик на дальнюю дверь, которая в конце концов приводит к самой жуткой из всех тюремных камер города – к Темнице Смерти, куда попадают только самые опасные и самые страшные преступники.

Камера в это время была пустой, если не считать рåtус норвёгикус – обыкновенной маленькой норвежской крысы, которая принимала утреннюю ванну в унитазе. Солнце поднялось еще немного и посветило на школьный духовой оркестр: дети учились вставать очень рано, чтобы успеть облачиться в униформу, очень кусачую, и потом маршировать и на ходу играть стройно, ну, скажем, почти стройно. Дело в том, что приближалось Семнадцатое мая¹, а в этот день музыканты всех школьных оркестров в стране должны

¹ Национальный праздник Норвегии.

проснуться очень рано, облачиться в униформу, очень кусачую, и потом маршировать и играть почти стройно.

Солнце поднялось чуть-чуть выше и посветило на деревянный причал в Осло-фьорде, к которому только что подошел корабль из Шанхая (это такой город в Китае). Деревянные доски раскачивались и скрипели от топота ног, бегавших взад-вперед, потому что нужно было разгрузить корабль. Несколько солнечных лучей проникли сквозь щели между досками в отверстие под причалом – выход в море из системы городской канализации.

Один луч пробрался так далеко, что осветил что-то в темноте коллектора². Что-то белое, мокрое и очень острое. Что-то ужасно похожее на комплект зубов. И если ты прочитал много книг о пресмыкающихся, но, вообще-то, соображаешь туговато, то ты подумаешь, что эти восемнадцать острых зубов принадлежат самому большому и самому страшному в мире удаву. Эту змею называют анакондой. Но дураков-то нет. Ведь анаконды живут только среди джунглей, в реках вроде Амазонки в Бразилии, а не в канализационных трубах, которые пересекают под землей весь город, мирный маленький городок под названием Осло. Анаконда в канализации? Восемнадцать метров мощных убивающих мышц, пасть размером с плавательный круг и зубы как зубцы на башне? Ха-ха! Только этого не хватало!

² Коллектор – часть городской канализационной сети, представляет собой трубу большого диаметра.

А потом солнце осветило тихую улицу под названием Пушечная. Лучи упали на красный дом, в котором в этот час комендант крепости Акерсхус завтракал вместе с женой и дочерью по имени Лисе. И еще лучи озарили желтый дом на другой стороне улицы, где раньше жила лучшая подруга Лисе. Но лучшая подруга только что переехала в город Сърпсборг³, и, глядя на обезлюдевший желтый дом, Лисе чувствовала себя еще более одинокой, чем тогда, когда уезжала ее лучшая подруга. Потому что на Пушечной улице больше не было детей, с которыми она могла бы подружиться.

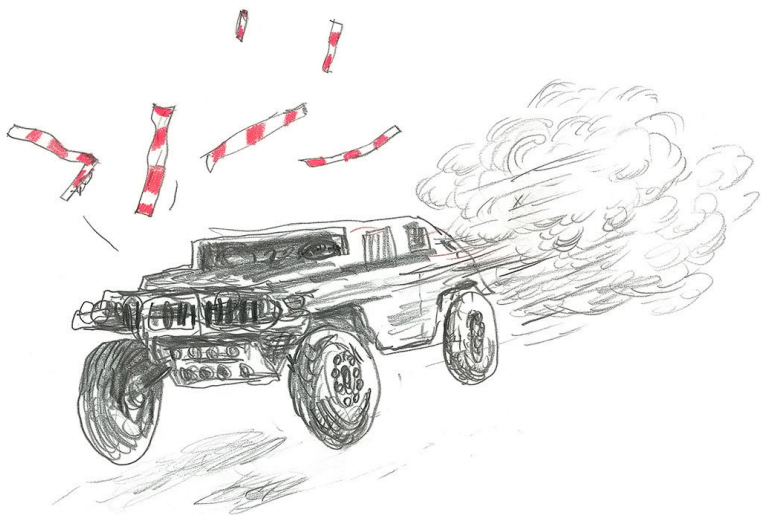
Других детей на улице было всего двое: Трульс и Трюм Тране. Эти двойняшки жили в огромной вилле с тремя гаражами в самом начале улицы и были на два года старше Лисе. Зимой они кидались твердыми, как камень, снежками, целясь в ее рыжие волосы. А когда она предлагала им поиграть, они макали ее головой в снег. Жесткими от мороза варежками натирали ей лицо снегом и всячески ее обзывали: Лисе-Писе, Вонючка и Тетка-Комендантша. Ты, наверное, думаешь, что Лисе рассказала про это хулиганство родителям Трульса и Трюма? Просто ты не знаешь их отца, господина Тране. Господин Тране был толстым и злым, толще папы Лисе и гораздо злее. И уж по меньшей мере в десять раз богаче. А раз он был таким богатым, то считал, что никто не смеет прибегать к нему и говорить что-то, тем более говорить, как

³ Город в Норвегии, не очень далеко от Осло.

ему воспитывать своих сыновей!

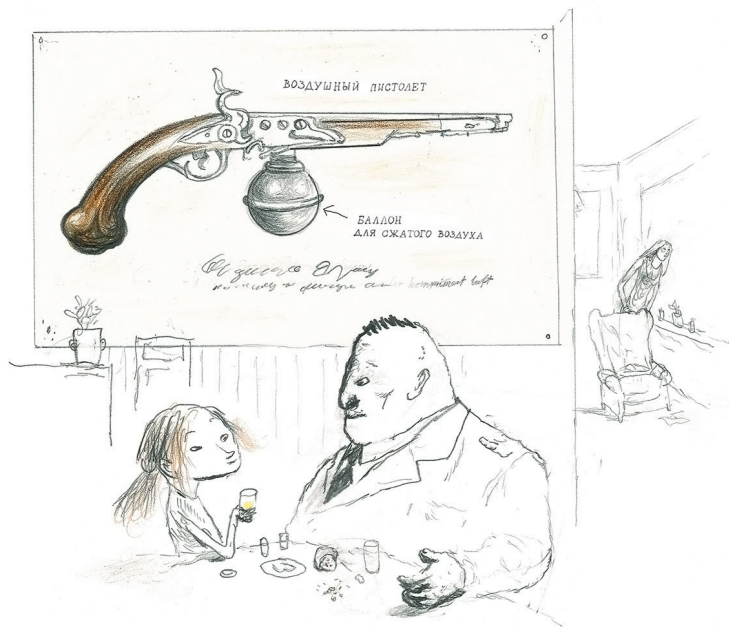

Господин Тране разбогател, потому что когда-то украл изобретение у одного бедняги-изобретателя. Это изобретение было очень твердым, очень непонятным и очень секретным материалом, применяемым, в частности, для того, чтобы мешать узникам убегать из тюрем. Деньги, заработанные на этом изобретении, господин Тране потратил на огромный дом с тремя гаражами и одним «хаммером». «Хаммер» — это такой большой несуразный автомобиль, который, вообще-то, предназначен для использования во время войны. Когда он ехал по Пушечной улице, то занимал почти всю проезжую часть. Кроме этого, он неимоверно загрязнял воздух. Однако господину Тране это было безразлично, он любил большие несуразные автомобили. И еще он знал, что если случайно заденет другую машину, то плохо будет не его машине, а другой.

К счастью, на ближайшее время Трульс и Трюм были лишены возможности натирать Лисе лицо снегом, потому что солнце давно растопило весь снег на Пушечной улице и теперь светило на садики, такие зеленые и ухоженные. Все, кроме одного. Этот один был заросшим, серым и неприбранным, но тем не менее веселым, потому что в нем росли два грушевых дерева и стоял маленький покосившийся дом, когда-то прежде, вероятно, синий, но только это было очень-очень давно, а теперь на крыше не хватало черепицы, вот это уж совершенно точно. Жил в нем человек, которого обитатели Пушечной улицы видели очень редко. Лисе встречала

его и здоровалась с ним несколько раз, он улыбался в ответ, а вид у него был такой же, как и у его садика: заросший, серый и неприбранный.

– В чем дело? – рывкнул комендант, когда утреннюю тишину нарушил рев мотора. – Это что, проклятый «хаммер» господина Тране?

Его жена выглянула в окно кухни:

– Нет. Похоже, это фургон для перевозки мебели. Лисе, которая, вообще-то, была воспитанной девочкой, выскочила из-за стола, даже не спросив разрешения, не доев того, что лежало на ее тарелке, и не поблагодарив за завтрак. Она убежала на крыльцо. И оказалось, так и есть. Фургон с надписью «БЫСТРО-ЛОВКО» остановился перед опустевшим желтым домом. Из фургона стали выносить картонные коробки.

Лисе спустилась по лестнице и подошла к так называемой яблоне, чтобы как следует рассмотреть происходящее. Мужчины в рабочей одежде переносили мебель, торшеры и большие уродливые картины. Она заметила, как один грузчик показал другому помятый музыкальный инструмент – трубу, лежащую сверху в одной из коробок, и оба засмеялись. Лисе не увидела того, что жаждала увидеть: кукол, маленьких велосипедов, маленьких лыж. А это означало, что у переехавших сюда нет детей, во всяком случае девочек ее возраста. Лисе тяжело вздохнула.

В этот момент она услышала голос:

– Привет!

Лисе удивленно обернулась, но никого не заметила. – Сюда смотри!

Она посмотрела на дерево, которое папа называл яблоней, но на котором никто никогда не видел яблок. А теперь вдруг дерево заговорило.

– Не туда, – произнес голос. – Сюда.

Лисе поднялась на цыпочки и заглянула через забор. Там внизу стоял маленький мальчик с ярко-рыжими волосами. Не просто рыжими, а очень рыжими. И не просто маленький, а очень маленький. Личико было маленьким, с двумя крохотными глазками и торчащим между ними маленьким носиком. Большими на лице были только веснушки.

– Меня зовут Булле, – представился он. – Что скажешь?

– О чем? – спросила Лисе.

– Об имени Булле. Это ведь не самое распространенное имя.

Лисе подумала и сказала:

– Я не знаю.

– Прекрасно, – улыбнулся мальчик. – Похоже на буль-буль, но мы больше об этом не говорим. Хорошо?

Лисе кивнула. Мальчик засунул указательный палец пра-

вой руки в левое ухо.

– А тебя как зовут?

– Лисе, – ответила Лисе.

Указательный палец долго крутился, пока Булле смотрел на девочку. Наконец он вынул палец, посмотрел на него, удовлетворенно кивнул и обтер о штанину.

– Ничего не придумать к имени Лисе, – сказал он. – Тебе повезло.

– Ты будешь жить в доме Анны?

– Не знаю, кто такая Анна, но мы будем жить вон в той желтой развалюшке. – Булле, не оборачиваясь, показал пальцем на дом.

– Анна – моя лучшая подруга, – объяснила Лисе. – Она уехала в Сарпсборг.

– О, как далеко! – протянул Булле. – Особенно если она твоя лучшая подруга.

– Странно, – удивилась Лисе. – Анна думала, что это не очень далеко. Она сказала, что, если я захочу навестить ее, мне надо будет ехать по шоссе на юг.

Булле с мрачным видом покачал головой:

– Да, на юг, это правильно. Но большой вопрос, есть ли туда шоссе. Дело в том, что Сарпсборг расположен в Южном полушарии.

– Южном полу... что? – испуганно спросила Лисе. – Полушарии, – повторил Булле. – Это значит, что он расположен на противоположной стороне земного шара.

– Ой, – растерянно сказала Лисе и, подумав, добавила: – Папа говорит, что на юге все время тепло. Это значит, что она теперь может купаться и зимой и летом?

– Чушь, – отрезал Булле. – Сарпсборг расположен так далеко на юге, что это почти совсем Южный полюс. Там жуткий холод. На крышах домов живут пингины.

– Это что же, в Сарпсборге все время лежит снег? – испугалась Лисе.

Булле кивнул, и Лисе вздрогнула. Булле сжал губы так, будто готовился выдувать воздух. Раздался неприличный звук. Лисе наморщила лоб, невольно вспомнив одно из своих прозвищ.

– Ты что, издеваешься надо мной? – спросила она.

Булле покачал головой.

– Упражняюсь, – ответил он. – Я играю на трубе. Нужно все время упражняться. Даже тогда, когда нет трубы.

Лисе наклонила голову набок и посмотрела на него. Она больше не была уверена, что он все время говорит правду.

– Лисе, не забудь почистить зубы перед уходом в школу, – услышала она громогласный приказ. Ее папа, уже одетый в синий парадный мундир, развернул свой огромный живот в сторону ворот. – Корабль с порохом для наших пушек прибыл сегодня утром из Шанхая, поэтому я поздно приду домой. А ты будешь милой и послушной девочкой.

– Да, папа, – сказала Лисе, которая всегда была милой и послушной девочкой.

Она знала, что тот день, когда прибывал порох для пушек, был особенным. Порох совершил кругосветное путешествие, во время которого к нему относились с большой осторожностью и уважением, потому что он предназначался для Великого и Почти Всемирно Известного Королевского Салюта в крепости Акерсхус в день национального праздника Семнадцатое мая.

– Папа, ты знал, что Сарпсборг расположен в Южном... как это... полушарии?

Комендант остановился и наморщил лоб.

– Кто тебе это сказал?

– Булле.

– Кто-кто?

Лисе ткнула пальцем.

– Булле... – начала она, но внезапно остановилась, потому что палец показывал на опустевшую Пушечную улицу, где никакого Булле и в помине не было.

Глава 2. Козы, страдающие морской болезнью

Услышав от папы Лисе, коменданта, что ей пора в школу, Булле подумал, что ему тоже пора в школу. Интересно, где она тут, эта школа. Если он поспешит, то успеет позавтракать, найти школьный ранец, почистить зубы (только в случае крайней необходимости) и поискать попутчика, который приведет его в новую школу.

Булле промчался между ног у грузчиков, переносивших мебель, и вошел в новый дом. И тут на картонной коробке в коридоре увидел свою трубу. Вздохнув с облегчением, он схватил ее. Булле, его сестра и мама приехали на первом фургоне накануне вечером, и он переживал, захватят ли коробку с его трубой.

Он осторожно приложил губы к мундштуку. «Трубу надо целовать, как женщину», – постоянно твердил дедушка. Булле за всю свою жизнь ни разу не поцеловал женщину, во всяком случае в губы. И если говорить правду, он очень надеялся, что это никогда не потребуется. Он как следует дунул в мундштук. Труба заблеяла, словно страдающая морской болезнью коза. Не много людей слышало, как блеют страдающие морской болезнью козы, но звук, наверное, очень похожий.

Булле услышал стук в стену. Это стучала мама, еще не поднявшаяся с постели.

– Рано, Булле! – крикнула она. – Только восемь. Мы спим.

Она всегда говорила «мы», хотя в спальне была одна. «Мы ложимся спать, мы приготовим кофе». Как будто папа не умер. Он все еще был там, при ней. Хранился в маленькой коробочке, которую она иногда брала в руки, когда Булле не было рядом. Совсем миниатюрный папа, похожий на того папу, какого Булле видел на фотографиях. Миниатюра – это что-то очень маленькое. И это очень хорошо ему подходило, потому что Булле был самым маленьким из всех мальчиков, каких ему когда-либо приходилось видеть.

Он спустился вниз на кухню и стал завтракать. Хотя они переехали только вчера, Булле нашел все, что ему было нужно, потому что они переезжали много раз и он знал, куда мама все кладет. Тарелки в левый шкаф, столовые приборы в верхний ящик, а хлеб в нижний.

Только он хотел откусить толстый кусок хлеба с копченой колбасой, как хлеб исчез.

– Как поживает наш лилипут? – поинтересовалась Ева и вонзила зубы в кусок хлеба, в который Булле планировал вонзить свои.

Ева была сестрой Булле, и она всегда либо скучала, либо злилась.

– Ты знаешь, что бойцовый пес – самая глупая в мире собака? – спросил Булле. – Настолько глупая, что, отнимая пи-

щу у карликового пуделя, не знает, что попадает в ловушку.

– Заткнись, – сказала Ева.

Но Булле не заткнулся:

– Если карликовый пудель знает, что бойцовая собака унюхала его хлеб с колбасой и бежит отнять его, он намазывает на хлеб слизь от слоновых улиток.

– Слоновых улиток? – фыркнула Ева, бросив на него подозрительный взгляд.

К ее большому огорчению, Булле прочитал много книжек и знал такие вещи, о каких она и не подозревала. Поэтому Ева никогда не была уверена, выдумал что-то Булле сам или же прочитал в своих дурацких книжках. Эти сведения могли содержаться в той книге, которую Булле очень любил читать, – толстой старинной пыльной книге, оставшейся после бабушки, которая называлась «Животные, которых, на твой взгляд, лучше бы не было».

– Как, ты не видела слоновых улиток? – воскликнул Булле. – Посмотри в окно. Их там навалом на лужайке. Толстые жуткие звери. Если сжать их между двумя книгами, из них начинает вытекать желто-зеленая слизь, как из носа у людей, заболевших пекинским гриппом третьей степени. Нет ничего хуже соплюшек от пекинского гриппа третьей степени. Если, конечно, не считать слизи от слоновых улиток.

– Если ты будешь издеваться, то попадешь в ад, – пробормотала Ева и попыталась заглянуть под кусок колбасы.

Булле соскочил со стула.

– Было бы классно, если бы у них здесь был школьный оркестр, – сказал он. – Я смог бы играть на трубе.

– Ты никогда не будешь играть ни в каком оркестре! – крикнула ему Ева. – Кому нужен трубач такого роста, что его не видно из-за большого барабана? Ни в одном оркестре нет такой маленькой униформы!

Булле надел в коридоре крохотные башмаки и вышел на лестницу, встал в позу, крепко сжал губы, приложил к ним трубу и исполнил мелодию, которой его научил дедушка. Это был утренний военный сигнал, который означает «Подъем» и будит даже любителей поспать.

– Стройся! – крикнул Булле, закончив играть (дедушка научил его и этому). – Ноги вместе, гляди веселей! Приготовиться к утренней поверке, к исполнению королевского гимна. СМИР-Р-НО!

Мужчины, разгружавшие фургон, застыли по стойке «смирно» на гравийной дорожке у дома, держа в руках мамин пятиместный диван. Несколько секунд было так тихо, что слышалось только пение птиц и шум мотора мусоровоза, проезжавшего в это время по Пушечной улице.

– Интересно, – раздался вдруг веселый голос с легкой картавостью. – На улице появился еще один комендант.

Булле обернулся. К деревянному забору соседнего дома прислонился высокий худой мужчина. Его седые волосы были такими же длинными и неухоженными, как и трава в его садике. Синее пальто напоминало халат учителя труда из

школы, в которой раньше учился Булле. Очки на носу больше походили на очки для плавания. Булле подумал, что если это не рождественский гном, внезапно постройневший, то это точно чокнутый профессор.

– Я вам мешаю? – спросил Булле.

– Напротив, – улыбнулся взъерошенный. – Я вышел посмотреть, кто так хорошо играет. Эти звуки разбудили во мне приятные воспоминания о плавании по реке во Франции много-много лет назад.

– Плавании? – спросил Булле.

– Именно так. – Профессор мечтательно закрыл глаза от яркого солнца. – На судне, плывшем по реке, были я, мой мотоцикл и множество коз. Солнце садилось, подул ветер, поднялись волны, и козы принялись громко блеять. Этот звук я

не забуду никогда.

– Привет, – сказал Булле. – Меня зовут Булле. Что можно сказать про такое имя?

– Вряд ли что-то можно сказать, – картаво проговорил профессор. – Если только ты сам что-нибудь не скажешь, конечно.

Вот так Булле встретился с доктором Проктором. Доктор Проктор не был рождественским гномом. Он был чокнутым профессором. Ну, скажем, почти чокнутым.

Глава 3. Первое тестирование порошка

– Меня зовут доктор Проктор, – представился профессор. Из-за его картавости эта фраза напомнила звучание плохо смазанной газонокосилки. – Я – чокнутый профессор. Ну, почти чокнутый.

Он сердечно рассмеялся и стал поливать буйно растущую траву из зеленой лейки.

Булле, большой любитель интересных бесед, отставил трубу, спустился с лестницы и подбежал к забору:

– А почему вы думаете, что вы почти чокнутый, господин Проктор?

– Доктор Проктор. Ты когда-нибудь слышал о профессоре, который хотел изобрести порошок от сенной лихорадки, а вместо этого изобрел ветрогонный порошок? Нет? Я так и подумал. Безумная история, правда?

– Как посмотреть, – сказал Булле и запрыгнул на забор. – А что делает ваш ветрогонный порошок? Люди перестают пускать ветры?

Профессор засмеялся еще громче.

– Если бы дело было так, кто-нибудь купил бы у меня этот порошок. – Он перестал поливать и задумчиво почесал бороду. – Интересно ты говоришь, Булле. Если бы порошок оста-

навливал это дело, люди могли бы брать его с собой, отправляясь в гости или на похороны. Есть много таких мест, где крайне нежелательно пускать ветры. Я об этом не подумал.

Он бросил лейку в траву и направился к своему синему домику.

– Интересно, – бормотал он на ходу. – А что, если перевернуть формулу?

– Подождите! – закричал Булле. – Подождите, доктор Проктор!

Он спрыгнул с забора и упал в высокую траву, а когда встал, то не увидел профессора – только синий домик и лестницу вниз к открытой двери в подвал. Булле подбежал к двери со всей быстротой, с какой его могли принести короткие ножки. Внутри было темно, но он услышал стук и царапание. Булле постучал по косяку двери.

– Входи! – закричал профессор из подвала.

Булле вошел в полутемный подвал. Он увидел у стены старый разобранный мотоцикл с коляской. И еще – полку с фигурками Микки-Мауса и стеклянную банку со светло-зеленым порошком и этикеткой, на которой очень большими буквами было написано: «Светло-зеленый порошок доктора Проктора». А ниже буквами поменьше: «Блестящая идея, которая может сделать мир немного веселее».

– Это и есть ветрогонный порошок? – спросил Булле.

– Нет, это всего лишь фосфоресцирующий порошок, от которого ты начинаешь светиться, – ответил доктор Проктор из темного угла подвала. – Еще одно мое неудачное изобретение.

Профессор появился из темноты с зажженным фонариком в одной руке и маской для подводного плавания в другой.

– Возьми эту маску для защиты. Я перевернул процесс, он пойдет в обратном направлении. Закрой дверь и будь осторожен. Все подсоединено к этому выключателю.

Булле надел на голову маску и закрыл дверь.

– Спасибо, – сказал профессор и повернул выключатель.

Загорелся свет, одновременно что-то затряслось, заскрипело, загудело, завывало в многочисленных железных трубках, соединявших бочки, резервуары, банки, пробирки и стеклянные сосуды.

– Не забудь пригнуться, если будет взрыв! – крикнул доктор, заглушая весь этот шум.

Из стеклянных сосудов начали подниматься пар и дым.

– Слушаюсь! – крикнул Булле, и в тот же момент раздался взрыв.

Взрыв был такой силы, что Булле показалось, будто его уши вдавились в голову, а глаза выскочили. Свет погас, стало совершенно темно. И очень тихо. Булле нашел на полу карманный фонарик и посветил на профессора, который лежал на полу, закрыв руками голову. Булле хотел что-то сказать,

но, не услышав своего голоса, решил, что оглох. Он сунул указательный палец правой руки в левое ухо и покрутил им. Потом попробовал что-то сказать. Теперь он мог слышать что-то, но только очень далеко, как будто барабанные перепонки у него были намазаны слизью от слоновых улиток.

– Это самый громкий звук, какой я слышал в своей жизни! – крикнул он.

– Эврика! – крикнул доктор Проктор.

Он встал, стряхнул с куртки пыль, сорвал с себя очки. Только сейчас Булле понял, что это не очки для плавания, а мотоциклетные очки. Лицо профессора стало черным, как сажа, кроме двух кругов вокруг глаз, которые раньше были закрыты очками. Он бросился к одной из трубок и вылил содержимое в стеклянный сосуд с ситечком наверху.

– Смотри! – сказал доктор Проктор.

Булле увидел в ситечке тонкий голубой порошок.

Профессор подцепил немного порошка чайной ложкой и положил себе в рот.

– Мм, – сказал он. – Вкус тот же самый.

Потом он сжал зубы и закрыл глаза. Булле заметил, как покраснело лицо профессора под покрывающей его сажей.

– Что вы делаете? – спросил Булле.

– Пытаюсь пускать ветры, – прошипел профессор сквозь зубы. – Ничего не получается. Фантастика!

Он засмеялся и попробовал поднатужиться еще раз. Но всем известно, что смеяться и пускать ветры одновременно

очень трудно, поэтому доктор Проктор сдался.

– Наконец-то я изобрел то, что может пригодиться, – улыбнулся он. – Порошок от пускания ветров.

– Можно, я проведу испытания? – спросил Булле и кивком показал на ситечко.

– Ты?

Профессор посмотрел на Булле. Одна кустистая бровь взметнулась вверх, другая опустилась вниз, Булле понял, что эта идея профессору не понравилась.

– Однажды я уже проводил испытания порошка от пускания ветров, – поторопился сказать Булле.

– Да ну? И где же?

– В Праге.

– Вот как? Все прошло хорошо?

– Да. Но я испортил воздух.

– Прекрасно.

– Что именно?

– То, что ты испортил воздух. Это значит, что до сих пор средства от пускания ветров не существовало. – Он передал ложку Булле. – Пожалуйста, попробуй.

Булле набрал порошка в ложку и сунул в рот.

– И что? – спросил профессор.

– Подождите, – пробормотал Булле с полным ртом порошка. – Ужасно сухо.

– Запей вот этим. – Профессор протянул ему бутылку.

Булле приставил бутылку ко рту и запил порошок. – О бо-

же, как вкусно, — сказал Булле, тщетно пытаясь найти этикетку на бутылке. — Что это?

— Грушевый лимонад доктора Проктора, — ответил профессор. — В основном вода и сахар с небольшой добавкой полыни, слизи от слоновых улиток и углекислоты... Что-то не так?

Профессор озабоченно посмотрел на Булле, который неожиданно сильно раскашлялся.

— Нет, ничего, — сказал Булле с глазами, полными слез. — Просто я не думал, что тут есть слизь от слоновых улиток... Бабах!

Булле с ужасом поднял взгляд. Взрыв был не такой сильный, как первый, но Булле показалось, что его схватили сзади за штаны, а дверь из подвала распахнулась.

— О нет! — воскликнул доктор Проктор и закрыл лицо руками.

— В чем дело? — спросил Булле.

— Ты вдруг пустил ветры! — крикнул профессор со своим картавым «р».

— Разве? — прошептал Булле. — В таком случае это был самый громкий пук, какой я когда-либо слышал.

– Все дело в грушевом лимонаде, – сказал профессор. – Я должен был сообразить, что такая смесь взрывоопасна.

Булле набрал еще порошка в ложку, но доктор Проктор остановил его:

– Я очень сожалею, но это не для детей.

– Конечно для детей, – сказал Булле. – Все дети любят пускать ветры.

– Глупости, – возразил доктор Проктор. – Только воздух портить.

– Но от этого порошка нет никакого запаха, – сказал Булле. – Понюхайте сами.

Профессор с шумом понюхал.

– Мм, – сказал он. – Как интересно.

– Вы знаете, как можно использовать это изобретение? – спросил Булле.

– Нет, – ответил доктор Проктор, что было правдой. – А ты знаешь?

– Да, – ответил Булле. Он сложил руки на груди и посмотрел на доктора Проктора. – Знаю.

Вот это и стало началом волшебного Ветрогонного порошка доктора Проктора.

Но сейчас уже почти восемь часов утра, мама стоит на лестнице и кричит, что Булле надо спешить. Это его первый день в новой школе. И о нем расскажет следующая глава.

Глава 4. Новый ученик в классе фру Стробе

На улице пели птички и светило солнце, а в классе царила мертвая тишина. Фру Стробе сдвинула очки ниже по своему невероятно длинному носу и посмотрела на нового ученика.

– Значит, тебя зовут Булле? – медленно сказала она скрипучим голосом.

– Да, и что об этом можно сказать? – откликнулся Булле.

Кто-то засмеялся, но, когда фру Стробе пустила в ход свое знаменитое похлопывание ладонью по столу, мгновенно опять воцарилась мертвая тишина.

– Ты можешь сесть прямо, Булле? – продолжал скрипеть ее голос. – Я почти не вижу тебя над партой.

– Мне очень жаль, фру Стробе, – сказал Булле. – Но я уже сижу прямо. Проблема в том, что я ужасно маленький.

Класс засмеялся еще громче.

– Тихо! – прогремела фру Стробе. Она еще ниже спустила очки, что было легко, так как длина носа позволяла это. – Поскольку ты у нас новенький, не будешь ли ты любезен рассказать нам всем немного о себе, господин Булле?

Булле посмотрел по сторонам.

– Новенький? – сказал он. – Я не новенький.

Если это вы спрашиваете меня, то новенькие для меня как

раз вы. Кроме Лисе, ее я встретил вчера.

Все обернулись к Лисе, у которой тут же появилось острое желание провалиться сквозь землю.

— К тому же мне десять лет, — продолжил Булле. — Если бы я был не я, а пара башмаков, то я был бы не новенький, а очень старенький. У дедушки была собака, которую отправили в дом для престарелых собак, когда ей исполнилось десять лет.

Фру Стробе даже не сделала попытки остановить взрыв громкого смеха, а только задумчиво смотрела на Билле, пока смех не затих.

— Клоунские штучки, господин Булле, — сказала она, и на ее тонких губах мелькнула слабая улыбка. — Учитывая твой маленький рост, я предлагаю тебе стоять на парте, когда ты будешь рассказывать.

К ее удивлению, Булле не заставил себя ждать, запрыгнул на парту и подтяжками поддержнул штаны.

— Я живу на Пушечной улице с мамой и сестрой. Мы успели пожить во всех районах Норвегии и еще в нескольких районах, которые больше не принадлежат Норвегии. То есть они были частью Норвегии в ледниковый период, но, когда лед стал таять, от нее оторвался кусок и поплыл по морю. Один из самых больших кусков называется теперь Америка, и они там даже не знают, что живут на льдине, которая является частью Норвегии.

– Господин Булле, – прервала его фру Стробе. – Только самое главное, пожалуйста.

– Самое главное, – подхватил Булле. – Я хочу играть на трубе в оркестре в шествии Семнадцатого мая. Играть на трубе – это все равно что целовать женщину в губы. Кто-нибудь может сказать мне, где найти ближайший духовой оркестр?

Все ученики, открыв рот, смотрели на него.

– Ах да, вот что я забыл, – сказал Булле. – Вчера я видел, как один изобретатель изобрел самое главное изобретение в

мире. Изобретателя зовут доктор Проктор, а меня он назначил своим ассистентом. Мы называли это изобретение Ветрогонным порошком доктора...

– Довольно! – крикнула фру Стробе. – Можешь сесть, господин Булле.

Оставшуюся часть урока фру Стробе посвятила объяснению того, почему мы празднуем Семнадцатое мая, но ни один ученик в мертвой тишине класса не слышал ее. Все сидели, уставившись на то небольшое, что торчало над партой Булле. Раздался звонок.

На перемене Булле стоял в стороне и смотрел, как другие дети играют в пятнашки и классики. Он увидел, что Лисе тоже стоит в стороне. Только он хотел подойти к ней, как вдруг двое парней постарше, головы которых были очень похожи на две коротко остриженные бочки, преградили ему дорогу. Булле понял, что его ждет. Он сменил уже много школ в своей жизни.

– Привет, коротышка, – сказал один.

– Привет, о вы, гиганты, которые тяжелой поступью ходят по земле и закрывают собой солнце, – нараспев произнес Булле, не глядя вверх.

– Чего? – удивился парень.

– Ничего, бойцовые вы псы, – ответил Булле.

– Ты новенький, – сказал второй парень.

– Ну и что? – тихо спросил Булле, хотя он очень хорошо

знал, какой ответ дают на это «ну и что?».

– Новеньких макают в фонтан для питья, – сказал второй парень.

– Почему? – еще тише спросил Булле, хотя знал ответ и на этот вопрос.

Парень пожал плечами.

– Потому что... Потому что... – начал он.

И вдруг все трое – два парня и Булле – хором крикнули:

– ПОТОМУ ЧТО ПОТОМУ!

Двое осмотрелись, нет ли поблизости учителей.

Потом тот, что покрупнее, схватил Булле за воротник и поднял. Второй обхватил ноги Булле. Так они принесли его к фонтану для питья, стоящему в центре школьного двора. Булле висел между ними, как мешок с мукой, и изучал маленькое белое облако, похожее на обьевшего носорога на изумительно синем небе. Он услышал, как все вокруг прекратили игры и присоединились к шествию, негромко переговариваясь в радостном ожидании. Кое-кто стал биться за право заткнуть все другие струйки фонтана пальцами, чтобы осталась только одна очень сильная струя, поднимающаяся на два метра в воздух. Булле понял, что его подняли, и почувствовал холод водяной струи. Кто-то начал считать: «Раз, два...»

– Мы тебя окрестим... – сказал тот, что держал Булле за ноги.

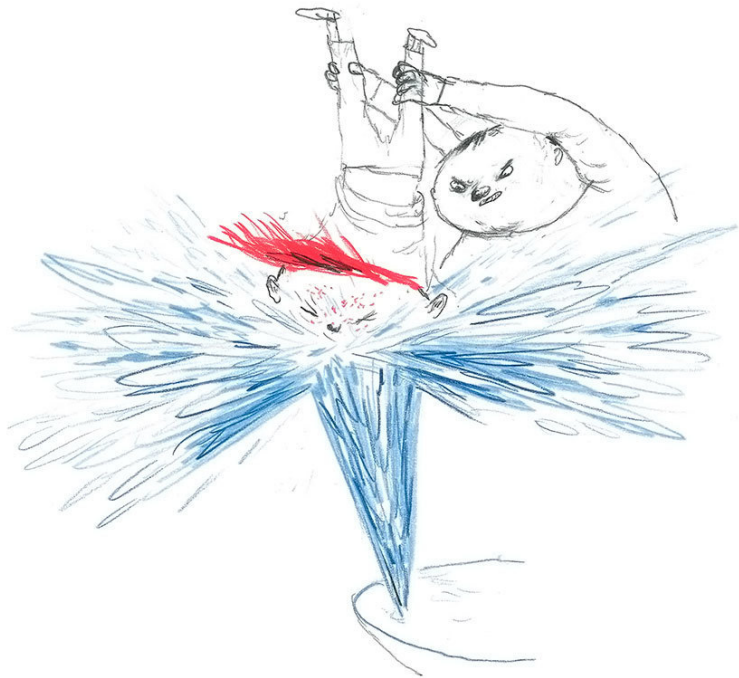
– Малыш-коротыш, – подхватил другой.

– Гениально, Трульс! – крикнул первый. – Мокрый коротыш.

– Помытый коротыш.

И они громко рассмеялись, глядя, как Булле поднимается и опускается. Они держали его прямо над струей, которая била по лицу, попадала в нос и в рот. Булле стал задыхаться и даже подумал, что захлебнется, но тут руки выдернули его из водяной струи. Он огляделся, посмотрел на детей вокруг фонтана, увидел Лисе, стоявшую в другом конце двора.

– Еще, еще! – кричали школьники.

Булле вдохнул и задержал дыхание. Его опять подставили под струю воды.

Булле не сопротивлялся и не говорил ни слова. Он только закрыл глаза и сжал губы. Он представил себе, что сидит в дедушкиной моторной лодке, высунув голову за борт, и в лицо ему бьют брызги соленой воды. Классно!

В конце концов парни опустили Булле на землю и ушли. Мокрые ярко-рыжие волосы прилипли к голове, в башма-

ках хлопала вода. Школьники сгруппировались вокруг и со смехом смотрели, как он пытается отлепить футболку от тела между подтяжками.

– Барахло это, а не фонтан, – громко произнес он. Все сразу замолчали. Булле вытер лицо.

– В Берлине, на площади Курфюрстендамм, есть фонтан, который бьет вверх на десять метров, – сказал он. – Один мой друг хотел попить водички. Так водой выбило у него два коренных зуба, и он проглотил свои брекеты. Мы видели, как с одного итальянца смыло парик, когда он хотел сделать всего один глоток.

Булле сделал артистическую паузу, выжимая мокрую футболку.

– Кто-то даже сказал, что смыло не парик, а собственные волосы итальянца. А вот я сел верхом на эту струю.

Булле наклонился, чтобы вылить воду из уха.

– И что? – спросил наконец один школьник.

– Что-что... – проворчал Булле, потом зажал по очереди одну ноздрю за другой и высморкался.

– Что он говорит? – спросил кто-то из далеко стоящих.

– Тихо! – крикнули в ответ те, что стояли рядом. – Я взлетел очень высоко и увидел аж Польшу, а до нее оттуда целых сто миль, – сказал Булле и потряс головой, так что во все стороны полетели брызги. – Сейчас это кажется невероятным... – Он вынул из заднего кармана расческу и стал причесываться. – Но надо вспомнить, что день был необыкновенно ясный, и к тому же в Европе везде очень плоско.

Булле проложил себе дорогу среди школьников и подошел к Лисе, стоявшей на краю школьного двора.

– Ну и как? – спросила она с легкой улыбкой. – Тебе нравится начало твоей школьной жизни у нас?

– Неплохо, – сказал он. – Никто не называл меня Булкой.

– Эти два парня, Трульс и Трюм, – уточнила Лисе, – они двойняшки и живут на Пушечной улице. Мне тебя жаль.

Булле пожал плечами:

– Трульс и Трюм живут везде.

– Как это понимать? – спросила Лисе.

– На каждой улице есть свои трульсы и трюмы.

От них не избавишься, куда ни переедешь.

Лисе задумалась. Может быть, какие-то трульсы и трюмы живут и в Сарпсборге?

– Ты уже нашла новую лучшую подругу? – спросил Булле.

Лисе покачала головой. Они молча стояли рядом и смотрели на играющих детей. Наконец Лисе спросила:

– Ты правду сказал про доктора Проктора и его изобретение?

– Ну конечно, – ответил Булле с кривой улыбкой. – Почти все, что я говорю, правда.

В это время зазвенел звонок.

Глава 5. У Булле рождается идея

В тот же день ближе к вечеру Булле постучался в дверь подвала синего дома. Три раза сильно. Это был условный сигнал.

Доктор Проктор распахнул дверь и, увидев Булле, громко произнес, как всегда картаво:

– Прекрасно! – Потом одна его кустистая бровь высоко поднялась, а вторая опустилась, он вытянул палец и спросил: – А это еще кто?

– Лисе, – ответил Булле.

– Я вижу, – сказал профессор. – Девочка, которая живет на другой стороне улицы, если только я не очень ошибаюсь. Мой вопрос совсем другой. Что она здесь делает? Разве мы с тобой не договорились вчера, что это будет совершенно секретный проект?

– Не очень секретный, судя по всему, – заметила Лисе. – Булле рассказал о нем сегодня всему классу.

– Как? – с ужасом воскликнул профессор. – Булле! Неужели это правда?

– Э-э-э, – промямлил Булле. – Может быть, немножко правда.

– Ты разболтал! Ты разболтал! – закричал профессор и замахал руками.

Булле тут же выпятил нижнюю челюсть, его глаза стали

большими и влажными. При таком выражении лица, которое Булле отрепетировал для ситуаций вроде этой, он становился похожим на очень маленького и очень огорченного верблюда. А ведь всем известно, что на огорченного маленького верблюда невозможно сердиться.

Профессор безнадежно застонал и опустил руки. – Хорошо-хорошо, может быть, это не так и опасно. Как бы то ни было, ты мой ассистент, поэтому давай считать, что все в порядке.

– Спасибо, – тихо сказал Булле.

– Да ладно, – отмахнулся профессор. – И перестань изображать верблюда. Входите и закройте за собой дверь.

Они так и сделали, а доктор Проктор поспешил к своим трубкам и сосудам, из которых пахло чем-то похожим на вареные груши.

Лисе остановилась у двери и осмотрелась. На подоконнике стоял цветочный горшок с белыми листьями. На стене рядом висела фотография мотоцикла с коляской на фоне, насколько она поняла, парижской Эйфелевой башни. Молодой смеющийся мужчина, чем-то напоминающий профессора, оседлал мотоцикл, а в коляске сидела красивая смеющаяся девушка с темными волосами.

– Что вы делаете? – спросил Булле.

– Я пытаюсь усовершенствовать продукт, – сказал доктор Проктор, помешивая в большой бочке. – Это должно дать больше воздуха. Смесь произведет, так сказать, более силь-

ный взрыв. – Он сунул палец в бочку, потом себе в рот. –
Хм. Слишком много пыли.

– Можно мне попробовать? – спросила Лисе и заглянула
в бочку.

– К сожалению, нет, – ответил профессор.

– К сожалению, нет, – повторил Булле.

– Почему? – нахмурилась Лисе.

– У тебя есть удостоверение ассистента по тестированию ветрогонного порошка? – спросил Булле.

Лисе подумала и ответила:

– Насколько я знаю, нет.

– В таком случае я предлагаю поручить тестирование мне, – сказал Булле и натянул подтяжки.

Он взял ложку и сунул в бочку.

– Будь осторожен, – предупредил его профессор. – Возьми для начала только четверть ложки.

– Хорошо, – сказал Булле и положил четверть ложки порошка в рот.

– Начинаем обратный отсчет. – Доктор Проктор посмотрел на часы. – Семь, шесть, пять, четыре, три... Лисе, не стой у него за спиной!

В тот же миг раздался взрыв. Распластавшись на холодном полу подвала, Лисе поняла, что ее опрокинуло навзничь взрывной волной.

– Ой-ой, – сказал Булле. – С тобой все хорошо, Лисе?

– Конечно, – пробормотала она ошеломленно, когда профессор помог ей встать. – Вот это ветры так ветры!

Булле громко рассмеялся:

– Отличная работа, доктор!

– Спасибо, спасибо! – сказал профессор. – Следующее те-

стирание проведу я сам...

Профессор взял половину чайной ложки порошка и начал обратный отсчет. При счете «ноль» раздался взрыв, но Лисе на этот раз благоразумно встала у двери.

– Ой, – сказал профессор и поднял с пола горшок с растением, на котором не осталось ни одного листика. – Мне кажется, новое испытание лучше проводить во дворе.

Они насыпали порошка в коробку из-под печенья и вышли из подвала.

– Дайте мне чайную ложку, – попросил Булле.

– Будь осторожен с дозировкой... – начал доктор Проктор, но Булле уже зачерпнул полную ложку.

– Щекочет в животе, – сказал Булле, тут же взвизгнул и запрыгал от ожидания.

– Семь, шесть, пять... – стал считать профессор. Когда прозвучал взрыв, с грушевого дерева профессора взлетели все птички и в испуге улетели далеко. На этот раз не Лисе, а сам Булле рухнул и исчез среди высокой травы.

– Где же ты? – воскликнул профессор и стал искать Булле в траве. – У тебя все хорошо?

Они слышали громкий хохот – это Булле выпрыгнул из травы, лицо его покраснело от смеха.

– Еще! – закричал он. – Еще!

– Посмотрите, профессор! – Лисе показала пальцем. – У Булле лопнули сзади штаны!

Так оно и оказалось. Профессор огорченно посмотрел на штаны и сказал, что на сегодня испытания закончены. Он попросил ассистентов поискать садовые стулья и стол, затерявшиеся где-то среди высокой травы, и вошел в дом. Вышел он с подносом, на котором были хлеб, масло, ливерный паштет и сок.

Лисе нашла покрашенные в белый цвет искореженные са-

довые стулья. Они сели на них и приступили к еде, размышляя, как же все-таки применить это изобретение. Профессор предложил продавать порошок крестьянам:

– Они могут проглотить половину чайной ложки порошка, а мешок с семенами, которые надо посеять, поставить перед... ну, перед местом выстрела. Сильная воздушная волна раскидает семена по всей пашне. Экономится масса времени. Что скажете?

– Прекрасно! – поддержал его Булле.

– Если честно, – сказала Лисе, – вряд ли люди захотят кушать то, что выросло из семян, посеянных с помощью ветрогонного порошка.

– Гм, – сказал профессор и почесал взъерошенную голову. – Пожалуй, ты права.

– А что, если сделать самый быстрый в мире велосипедный насос? – крикнул Булле. – Надо присоединить шланг одним концом к выходу, другим концом к вентилю на колесе, и – хлоп! Камера надута за долю секунды!

– Интересно! – сказал профессор и погладил козлиную бородку. – Но я боюсь, что «хлоп!» и будет проблемой. Камера ведь тоже лопнет.

– А что, если ветрогонный порошок использовать для сушки волос? – задумчиво произнесла Лисе.

Булле и профессор посмотрели на Лисе. Она объяснила, что вся семья, от самого маленького до бабушки, может разыграть право съесть порошок сразу после того, как утром

все примут душ. А потом другие встанут в ряд за спиной выигравшего.

– Хорошая идея, – сказал профессор. – Но кто будет сушить волосы того человека, который принял порошок?

– И еще подумай: а вдруг бабушка упадет и сломает себе шейку бедра? – подхватил Булле.

Они продолжали предлагать один проект за другим, но во всех предложениях был какой-нибудь досадный недостаток. Наконец все замолкли.

Они молча жевали хлеб, и вдруг Булле воскликнул: – Есть идея!

Лисе и доктор Проктор посмотрели на него без всякого интереса, потому что за очень короткое время Булле уже в четвертый раз кричал: «Есть идея!», а на самом деле никакой хорошей идеи у него не было.

Булле запрыгнул на стол.

– Мы можем применить наш порошок для того, для чего применяем его сейчас.

– Но мы ведь его ни для чего не применяем, – возразил доктор Проктор.

– Мы делаем это без всякого смысла, – сказала Лисе.

– Именно! – воскликнул Булле. – А кто из всех людей в мире любит пускать ветры без всякого смысла?

– Ну хорошо, – сказал профессор. – Мне кажется, что дети. И взрослые, похожие на детей.

– Именно! И когда им больше всего нравятся всякие хло-

пушки?

– В новогоднюю ночь?

– Да! – воодушевленно закричал Булле. – А еще...

Еще?.. Ну?

– Семнадцатого мая! – закричала Лисе и тоже прыгнула стол. – Скоро Семнадцатое мая! Как вы не понимаете, профессор? Нам ничего не надо выдумывать, мы можем продавать порошок таким, какой он есть!

Глаза профессора стали совершенно круглыми, он вытянул свою тощую морщинистую шею и стал похож на болотную птицу.

– Интересно! – забормотал он. – Очень интересно... Семнадцатое мая... дети... хлопушки... это... это... – И вдруг он тоже прыгнул на стол. – Эврика!

И как по команде, они устроили на столе, среди стаканов с соком, что-то похожее на пляску индейцев.

Глава 6. Дирижер Мадсен и оркестр школы «Укромный уголок»

Мадсен стоял в спортзале, держа руки наготове. Перед ним сидели двадцать детей и подростков, игравших в оркестре школы «Укромный уголок». Мадсен держал дирижерскую палочку между указательным и большим пальцем правой руки, остальные восемь пальцев двух рук торчали во всех возможных направлениях. Он на секунду закрыл глаза и представил себе, что стоит не у шведской стенки на вытертом полу с гимнастическими матами, а в концертном зале в Венеции, под хрустальными люстрами, перед множеством ликующих, красиво одетых слушателей на балконах. И снова открыл глаза.

– Готовы? – крикнул он и подергал носом, чтобы его темные, как у летчиков, очки не сползли вниз.

Дело в том, что в отличие от фру Стробе Мадсен обладал коротким толстым носом, испещренным черными порами.

Ни у одного из двадцати музыкантов, сидевших перед ним на стульях, на лице не было написано готовности. Но поскольку никто не стал возражать, Мадсен начал обратный отсчет, как при запуске ракеты:

– Четыре, три, два, один!

Мадсен взмахнул дирижерской палочкой, как обычно машут волшебной, и духовой оркестр школы «Укромный уголок» стартовал. Не совсем так, как взлетают ракеты, а скорее так, как отправляется в путь паровоз, пыхтя и шипя. Барабаны, по обыкновению, стали бить задолго до того, как Мадсен дал сигнал. Он подождал, пока их догонят другие инструменты. Сначала взвыл один из тромбонов, затем соизволила вступить валторна, а потом два кларнета извлекли более или менее одну и ту же ноту. Двое трубачей – ими были двойняшки Трульс и Трюм Тране – все еще ковыряли в носу. Петра наконец извлек звук из огромной тубы, а Пер нанес первый пробный удар по большому барабану.

– Нет, нет, нет! – в отчаянии закричал Мадсен и, останавливая игру оркестра, замахал палочкой.

Но так же, как и паровоз, оркестр школы «Укромный уголок» очень трудно остановить, если он уже набрал скорость. А когда он начал останавливаться, то эти звуки напомнили падение целой тонны кухонной посуды на пол: «Трах! Дзынь! Бу-ум!»

Когда в конце концов наступила тишина, а стекла в окнах спортзала школы «Укромный уголок» перестали дрожать,

Мадсен снял свои летные очки:

– Друзья мои, вы знаете, сколько времени осталось до Семнадцатого мая?

Ответа не последовало.

Мадсен застонал.

– Я и не ждал от вас ответа. Раз уж вы даже не знаете, что именно мы исполняем. Что мы исполняем, Трюм?

Трюм поковырял в носу и повернулся к брату в поисках ответа.

– Ну а ты, Трульс? – спросил Мадсен. – Можешь помочь брату?

Трульс почесал трубой спину и прищурился, разглядывая ноты на пюпитре.

– У меня ноты попали под дождь, Мадсен. Я ни фиги не могу разглядеть.

– Вот как! – сказал Мадсен. – Исполняемое произведение называется «Да, мы любим этот край». Это гимн Норвегии. О господи! Неужели здесь нет ни одного человека, кроме Лисе, кто способен читать, что написано в нотах? Или взять хотя бы одну ноту правильно?

Лисе съежилась за кларнетом, почувствовав на себе взгляды остальных оркестрантов. Она знала, что говорят эти взгляды. Они говорят, что Мадсен, конечно, может сказать, будто она хорошая девочка, но все равно пусть она не воображает, что от этого они с ней будут дружить. Скорее наоборот.

– Если к Семнадцатому мая мы не научимся играть лучше, то наш оркестр никуда не поедет, – сказал Мадсен. – Я не хочу быть предметом насмешек для дирижеров дюжины оркестров. Это понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.